

Эвелина Шац

Proemіo, или Возможное *не*

1.

Я – не еврейка:
ни по религии
ни по традиции
ни по воспитанию
ни по культуре
разве что только
по преследованию

Я – не немка:
ни по отечеству
ни по традиции
ни родом
разве что только по дозе
лингвистического участия
то есть культуры
а значит – истории
и в этом случае тоже
по преследованию

Я – не американка
разве что только
по рождению в
Филадельфии
моей матери
и по бесконечному обаянию
города Нью-Йорка

2.

Я – не венгерка, ну... может быть совсем чуть-чуть: внешне некая взрывная смесь цыганского и еврейского: волосы рыжие, кожа молочно-белая-веснушчатая, но главное – характер: пирожеральный и неистовый, цирковой наездницы и бедуина: этим последним качеством кочевой сосредоточенности отличалась моя бабушка венгерка.

Я – не австрийка, разве что только по воспитанию австро-венгерскому: империя мелкобуржуазная, но еще дисциплинированная, а значит, вполне королевская: дисциплина воспитания, а не принуждения, присуща великим имперским цивилизациям. Последняя была уже предемократической.

Я – не русская. Если бы я не была ею кардинально, своей манерой быть, философией родного, то бишь эмоционального пейзажа, принадлежностью к определенной материнской утробе – суть язык русский (культура) со своим необъятным комплексом славяно / персидско / монголо / турецко / китайско / кочевнической и прочей части Европы. Разве этого так мало, быть русским?!

Я – не итальянка. Если итальянский не был бы вторым чревом, избранным, желанным. Рационализирующим мою русскую иррациональную манеру быть: некая графическая структура моей анархической непринужденности. И, наконец, – рукопашная, в которой собственная свобода утверждает себя в ожесточенной схватке с принуждением власти имперской или с демократическим низведением к посредственности. Влияния всегда взаимны по закону противодействий, утомительному, но, надеюсь, конструктивному...

Вечно тоскующая по родному языку – Поэзии.

Вариации с итальянского

1995

3.

Я – не художник – иные науки и прочие ремесла, если бы только не жила я и не дышала искусством с тех пор, как помню себя, и еще потому, что в венах моих штормом плещется кровь двух творителей, двух чужестранцев: встреча / столкновение родите-

лей у самого Черного моря, там, где Восток встречается с Западом, а море – море схлестнулось со степью, наделяя меня двойным зрением кочевника.

Я – не ученый, и не философ, если бы не была рождена и не была баюкана шаманским камланием и аполлонским духом Ольвии-Одессы, – детство на море среди глиняных дощечек, исписанных мистериальной гераклитовой мудростью; быстрый бег родных мест, пока я умирала... Сократ – уже больше не совершенное божество, и даже Чжуан-цзы не тревожит мое Ничто, пока я умирала... танцуя с Гераклитом, озвучивая Парменида и воспевая в расstrаниченном многообразии пространства пустоту, что вовсе не суть пустота, – слово Поэта.

Я – не поэт, если бы не подпольная деятельность в авторском самиздате, требующая лихорадочной неустанной работы, пока стихи не станут чем-то вроде второй природы, необходимой для продолжения жизненных функций.

Я – не поэт, если бы не писала *И звездная материя – каннибальна*, так вот, когда ребята одной сицилийской школы решили, что это слова Данте (в то время как я была просто художником, хотя, пожалуй, не только), так вот, их высокая ошибка меня настолько убедила, что с тех пор, шагая по миру, повторяю: я – Поэт.

Между *poena insularis** и ризоматическими расстояниями – стансы Эвелины.

Вариации с итальянского

2006-2012

Post scriptum

Я – не одесситка. Если бы память о Черном море не являла мою принадлежность к Средиземноморью, если бы не хранила образы кораблей и первой любви к сыну капитана, обольстительному будущему капитану дальнего плавания, если бы Одесса не была местом моего не всеми желаемого рождения, если бы не память

* Лат. наказание островом, ссылка на остров

запахов каштанов и акаций, полыни Каролино-Бугаза, настоянной на морской соли, лиманной грязи, плотной, как черное коровье масло, что пахнет пронзительно серой, и если бы не наблюдательный пункт в бурьяне над обрывом, что оползнями вгоняет в море высокие берега, сбегаящие к *Ланжерону*, а дальше – шаланды, первый бычок и мидии, что спасали от голода южнорусское детство и юность, когда под доверительный зов *свежая камбала*, уже живописались первые строчки о море, и если бы не звучали в памяти арии Верди на украинской мове и не рвался гортанно чувственный смех из горла по любому поводу и без повода, ибо юмор жил под кожей с гормонами, с вирусами и бактериями, питая либидо и неукротимую волю к творчеству – суть духа многонационального города у моря. *Совсем Италия*, писал в стихах Багрицкий.

Я – не сицилийка, если бы не опьянение звуками и запахами вулканов и островов Сицилии, если бы не множество стиший лучшей моей книги *Загара, или Сицилийская странность*, впрочем, я сама суть сицилийская странность, и если я родилась в Одессе и не хотела бы поменять место рождения, то умереть мне хотелось бы в Сицилии – *genius loci* страсти как таковой.

2012

Милан

